

ПРЕДМЕТЫ МОБИЛЬНОГО ИСКУССТВА РАННЕГО И СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ОБЬ-ИРТЫШЬЯ*

Предметы мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья демонстрируют высокий художественный уровень исполнения. Это относится прежде всего к зооморфным скульптурам на каменных пестях, рукоятках бронзовых кинжалов, Г-образным навершиям из кости и рога. Преобладают профильные изображения в основном животных и птиц. Наиболее распространен образ лошади, запечатленный в камне и металле. Это позволяет судить о значимой роли, которую играла лошадь в хозяйственной и религиозной жизни общества в данную эпоху. Большинство изображений головы человека, а также человека с лошадью, группы животных тяготеет к Прииртышью. Вероятно, именно там зародилась и получила распространение эта традиция.

Ключевые слова: лесостепное Обь-Иртышье, ранний и средний бронзовый век, мелкая пластика, песты, навершия, ножи, подвески, каменный сосуд, художественный образ, антропоморфные и зооморфные сюжеты, лошадь, птица, человек, баран, бык, изобразительная традиция, профильное и анфасное изображения.

Введение

Современный уровень исследования памятников лесостепного и степного Обь-Иртышья конца III – первой половины II тыс. до н.э. позволил, наряду с разработкой историко-культурных, этногенетических, хозяйственных вопросов, приступить к рассмотрению особенностей искусства [Молодин, 1992; Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, 2002; Кирюшин, Грушин, 2007]. Основными источниками являются мелкая пластика, орнаменты, украшения, т.е. предметы мобильного и декоративно-прикладного искусства. Особое внимание в научных публикациях уделялось находкам, связанным с сейминско-турбинскими и самусьскими изобразительными традициями [Пяткин, Миклашевич, 1990; Бобров, Ковтун, 2002; Ковтун, 2006; Есин, Ожередов, 2008; Молодин, 1992; и др.]. За последнее

время количество предметов искусства, происходящих с обозначенной территории, значительно выросло. Этому способствовали интенсивные полевые исследования. Таким образом, назрела необходимость обобщения всех имеющихся материалов по данной тематике, их качественной публикации и анализа.

Каменные предметы мобильного искусства

Наибольшую группу предметов мелкой пластики составляют изделия из камня. Оригинальная скульптурка сидящей хищной птицы со сложенными крыльями, выполненная из бурой яшмы, была обнаружена на поселении Березовая Лука (рис. 1, 3; 2, 5). У нее сильно выступающая грудка, хорошо выраженные голова, крылья и живот, нарезками обозначены перья. Высота изделия 2,5 см, диаметр ок. 2 см. В центре просверлено биконическое отверстие для крепления. Особенности изготовления и декорирования, а также следы износа указывают на то, что, вероятнее всего, предмет достаточно жестко крепился к кожаной основе (головной убор?). Левая сторона изделия заполирована сильнее правой.

Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект № 2009-1.1-301-072-016 «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности».

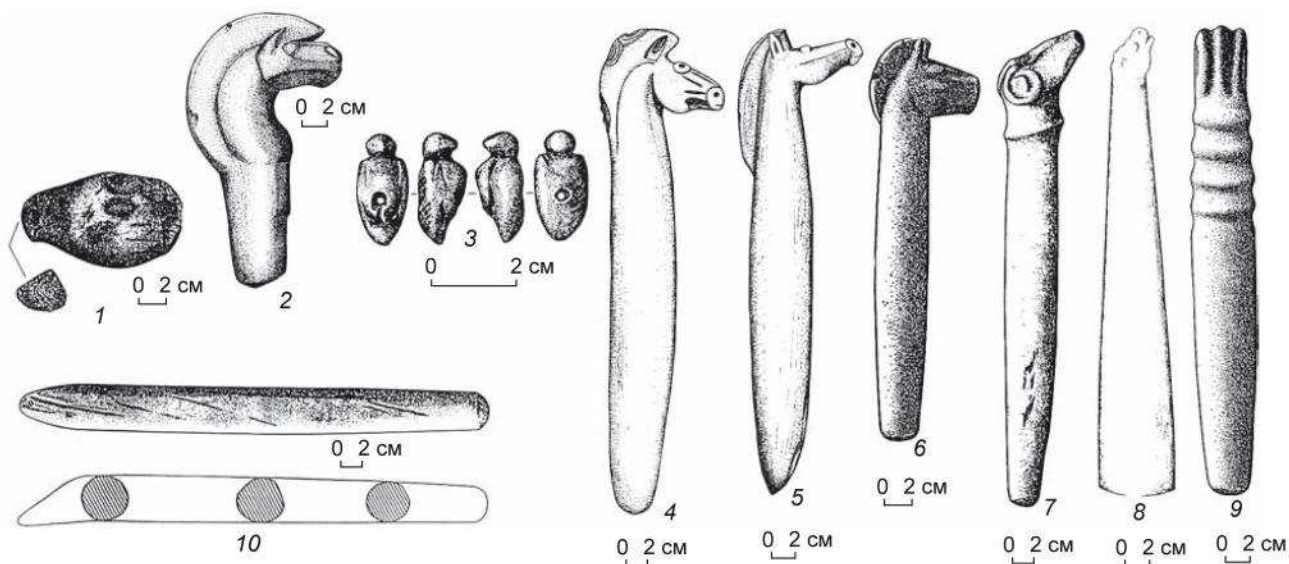

Рис. 1. Зооморфная каменная скульптура из лесостепного Обь-Иртышья.

1 – Кольванское I (по: [Алехин, 1999]); 2 – Омск (по: [Мошинская, 1952]); 3 – Березовая Лука (по: [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2004]); 4 – Усть-Каменогорск (по: [Славнин, 1949]); 5 – Семипалатинск (по: [Черников, 1960]); 6, 7, 9, 10 – Шипуново V (по: [Кирюшин, Иванов, 2001]); 8 – Иткуль (по: [Кирюшин, 2002]).

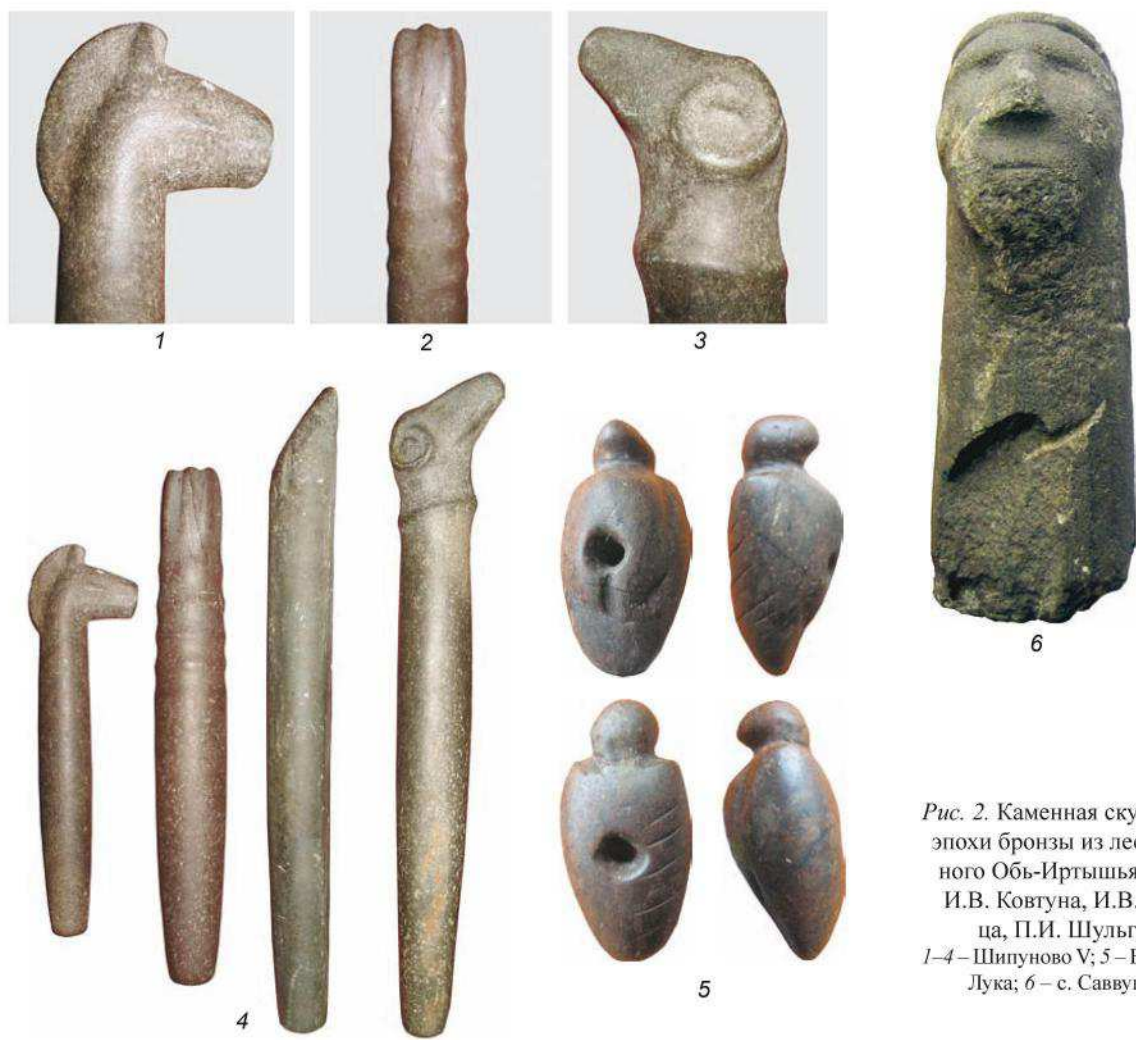

Рис. 2. Каменная скульптура эпохи бронзы из лесостепного Обь-Иртышья (фото И.В. Ковтуна, И.В. Мерца, П.И. Шульги). 1–4 – Шипуново V; 5 – Березовая Лука; 6 – с. Саввушка.

Это может свидетельствовать о прикреплении фигурки в профиль, клювом влево. Такой ракурс, вероятнее всего, был узнаваем и востребован. Это подчеркивается и большей выраженностью образа птицы именно при рассмотрении скульптурки в профиль.

Следует отметить, что левая сторона имела важное мировоззренческое значение для елунинского населения. Это уже отмечалось ранее при анализе погребального обряда, зафиксированного в археологических комплексах, – размещение умерших в могильной яме на левом боку, с «обращенным взором» влево [Грушин, 2001, с. 50–51]. Скульптурные изображения хищных птиц в сидящем положении и со сложенными крыльями в Сибири встречаются крайне редко, в отличие от водоплавающих. Образ птицы широко представлен в наскальном искусстве Саяно-Алтая начиная, как минимум, с эпохи энеолита [Чигаева, 2004, с. 402]. В Волго-Окском междуречье на памятниках волосовской культуры III тыс. до н.э. известны костяные фигурки птиц, являвшиеся нашивками на одежду или подвесками [Емельянов, Кашина, 2004]. Изображения птиц присутствуют на самусьской керамике [Косарев, 1981, с. 254]. По определению С.С. Москвитина, на керамическом сосуде раннего бронзового века с поселения Тух-Эмтор IV изображена хищная птица, скорее всего, орлан-белохвост, скопа или коршун (налепная скульптура) [Кирюшин, Малолетко, 1979, рис. 13, 1, с. 33]. Геральдические изображения орлов имеются на амулетах-печатах II тыс. до н.э., происходящих из Маргианы [Сарианиди, 2004, рис. 6]. Скульптуры птиц известны у различных народов Сибири. Так, алтай-кижи изготавливали деревянные фигурки, служившие «помощниками» шамана [Иванов, 1979, с. 85]. С хищными птицами связано большое количество мифов и представлений у многих народов Евразии. Известны они в Авесте и Ригведе, в мифологии туркмен [Гундогдыев, 2004, с. 225], финно-угров [Косарев, 1981, с. 254] и др. Несмотря на большое количество изображений птиц в археологических и этнографических материалах, каменная птичка с Березовой Луки остается уникальным предметом мобильного искусства. Раскрытие его семантики – тема отдельного исследования.

В материалах эпохи бронзы Обь-Иртышья и за его пределами известны изделия, которые трактуются исследователями как жезлы или песты. Они представляют собой каменные стержни со скульптурным изображением на одном конце. На Алтае найдено несколько подобных вещей. Пест с оз. Иткуль [Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, 2002, рис. 1, 4] был увенчан скульптурным изображением головы медведя с поднятой вверх мордой (см. рис. 1, 8). Длина изделия 38,5 см, к навершию оно равномерно сужается. Четыре песта

происходят из разрушенного погребения могильника Шипуново V. Одно изделие имеет сложное оформление стержня (см. рис. 1, 9; 2, 2, 4), остальные увенчаны скульптурными изображениями головы лошади (см. рис. 1, 6; 2, 1, 4), барана (см. рис. 1, 7; 2, 3, 4), змеи (?) (см. рис. 1, 10; 2, 4). Пест в виде головы быка найден на поселении Кольванское I (см. рис. 1, 1) [Алехин, 1999, рис. 5, 1]. Серия подобных предметов происходит с территории Верхнего и Среднего Прииртышья. Это каменные песты с навершиями в виде головы коня из Усть-Каменогорска (см. рис. 1, 4) и Семипалатинска (см. рис. 1, 5). Одно каменное навершие в виде головы коня найдено в Омске (см. рис. 1, 2).

Другим типом каменных пестов являются предметы со скульптурными изображениями головы человека в верхней части. Большинство таких находок связано с Прииртышьем. Песты происходят из окрестностей с. Саввушка (см. рис. 2, 6; 3, 3) и Семипалатин-

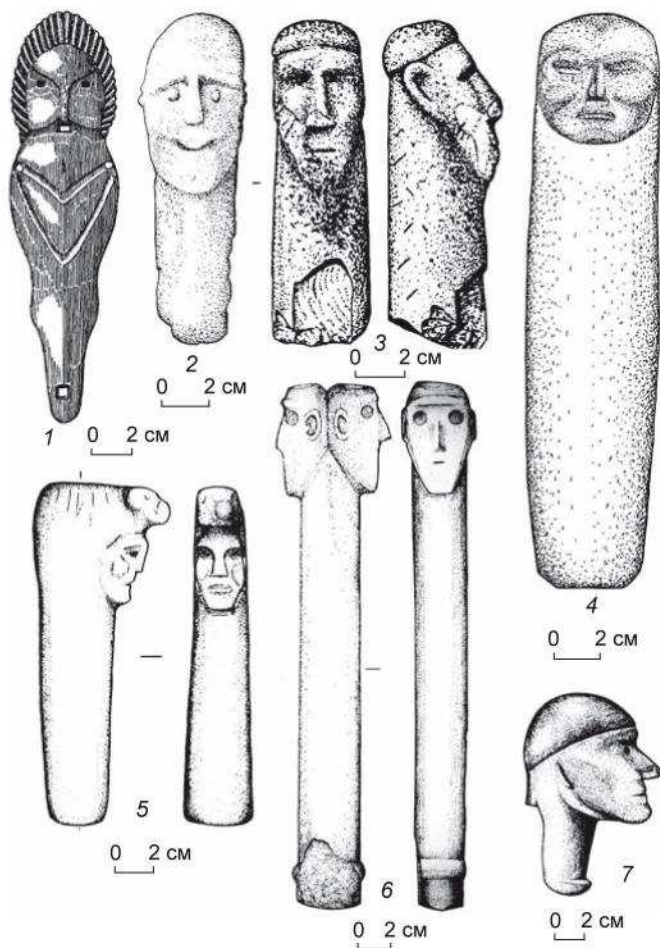

Рис. 3. Антропоморфная скульптура из лесостепного Обь-Иртышья.

1 – Кораблик I (по: [Грушин, Кокшнев, 2004]); 2 – Зайсан (по: [Кирюшин, 2002]); 3 – Саввушка (по: [Кирюшин, 1991]); 4, 5 – Семипалатинская обл. (по: [Маргулан, 1979; Ченченкова, 2004]); 6 – р. Ир (по: [Мошинская, 1952]); 7 – р. Туя (по: [Мошинская, 1952]).

1 – кость, 2 – бронза, остальное – камень.

0 2 см

Рис. 4. Каменный сосуд со сценой охоты из с. Лаптев Лог (вид с трех сторон).

ской обл. (рис. 3, 4). Известны два антропоморфных навершия «жезлов» или «скипетров»: каменное с р. Туй (рис. 3, 7) и бронзовое из краеведческого музея г. Зайсана (рис. 3, 2). Каменный пест с р. Ир (правый приток Иртыша) венчает скульптурное изображение двух человеческих голов, ориентированных в разные стороны (рис. 3, 6). Оригинально оформлено навершие у песта из Семипалатинской обл. (рис. 3, 5): рельефно выполнено человеческое лицо, а над ним нависает скульптурное изображение головы животного (барана?). А.П. Окладников и С.В. Студзицкая отнесли данные изделия к кругу тотемно-фаллических предметов [Окладников, 1950, с. 331; Студзицкая, 1969, с. 62]. Такие песты могли использоваться при совершении определенных ритуальных действий, свя-

занных, например, с растиранием каких-то растений. Каменные навершия в виде лошадиных морд широко распространены на памятниках энеолита и ранней бронзы Восточной Европы, они трактуются как часть составных «скипетров» [Дергачев, 2007].

Своеобразным предметом искусства является находка из с. Лаптев Лог [Кирюшин, 2002, рис. 132–136]. На тулове и дне каменного баночного сосуда изображена сцена охоты на быка (рис. 4, 5). Фигура человека, стреляющего из лука, расположена на дне, а изогнутый лук со стрелой – уже в придонной части, под брюхом быка, изображенного на тулове. В загривке животного торчит еще одна стрела. Быка держат две собаки: одна вцепилась в морду, другая – в заднюю часть. Изображение быка выполнено в своеобразной окуневской манере и находит ближайшие аналогии в окуневских материалах и искусстве окуневского времени Южной Сибири и юга Западной Сибири. За ним расположены одна над другой две фигуры невысоких лошадей с коротким туловищем, но с крупной головой и торчащими ушами, что характерно для эпохи ранней бронзы, круга культур сейминско-турбинского типа юга Западной Сибири и Восточного Казахстана. Над фигурой быка находится стилизованное изображение бегущего марала. В верхней части сосуда изображены три козла, среди которых есть горный с загнутыми рогами, преследуемый двумя собаками и полосатым хищником. Сцены охоты, да и сам набор животных характерны для более южных, может быть, предгорных, районов. И, скорее всего, этот сосуд можно связывать с пришлым населением или уже сформировавшимся елунинским.

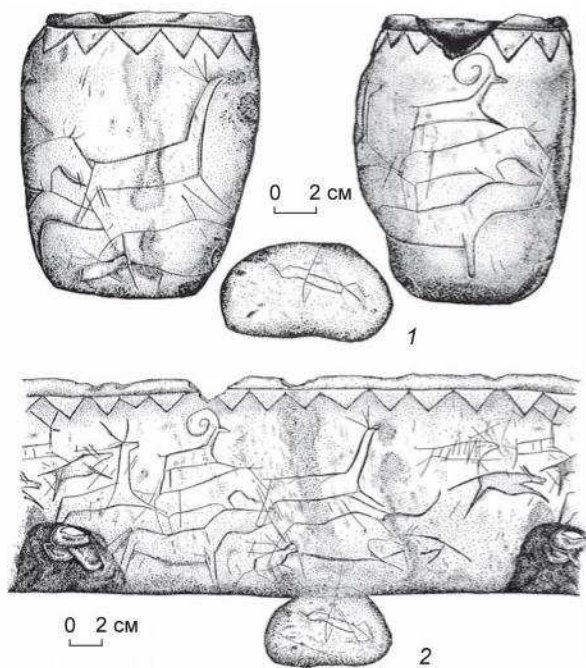

Рис. 5. Прорисовка каменного сосуда со сценой охоты из с. Лаптев Лог (1) и его развертка (2) (по: [Кирюшин, 2002]).

Предметы мобильного искусства из кости и рога

Мелкая пластика из кости и рога на памятниках Обь-Иртышья эпохи ранней бронзы представлена несколькими категориями изделий. Наиболее многочисленная – т.н. Г-образные навершия. Каждая подобная находка уникальна по своим морфологическим и изо-

бразительным особенностям. Тем не менее можно наметить три типа изделий. Первый характеризуется отсутствием дополнительных изобразительных элементов. Одно изделие этого типа происходит с памятника Калиновка-2 [Кирюшин и др., 2005, рис. 1, 3]. Оно выполнено грубо, без дополнительной обработки, имеет отверстие для крепления (рис. 6, 4). В силу этих особенностей можно предположить, что такие предметы были наиболее функциональны с практической точки зрения.

Второй тип изделий представлен двумя наконечниками, обнаруженными в закрытых погребальных комплексах могильников Сопка II [Молодин, 1985, рис. 27, 5] и Преображенка-6 [Молодин, Чемякина, Позднякова, 2007, рис. 1]. Они выполнены в виде головы хищной птицы (ворон?) и характеризуются наличием реалистичных изобразительных деталей. Так, на предмете из могильника Сопка II показаны мощный рельефный клюв, оформленная голова и глаз (рис. 6, 2). Изделие из Преображенки-6 отличается более изящной и тщательной проработкой деталей. Глаза выделены резными ободками, перьевые ушки показаны каплевидным орнаментом (рис. 6, 3).

Третий тип наконечников представлен единственной случайной находкой из Причумышья (рис. 6, 1; 7). Наконечник напоминает голову птицы с загнутым клювом. Одна сторона (лицевая) изделия хорошо заполирована и украшена орнаментом. На изгибе наконечника нанесены три резные S-видные фигуры со спирально закрученными окончаниями. Ниже на вертикальной части предмета имеются поперечные пояски, из которых два верхних заполнены вырезанными треугольниками, что придает рисунку вид изгибающейся змейки [Кунгуров, Горбунов, 2001, с. 117].

Открытым остается вопрос: чем объясняется разнотипность наконечников – хронологическими, культурно-локальными или функциональными причинами? Изделие из могильника Сопка II исследователи относят к кротовской культуре [Молодин, 1985, с. 56], случайную находку с Чумыша – к елунинской [Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, 2002, рис. 4]. В могильнике Преображенка-6 вместе с наконечником обнаружена керамика, близкая к одиновской [Молодин, Чемякина, Позднякова, 2007, с. 340]. На поселении Калиновка-2 вместе с наконечником также найдена керамика, и, судя по опубликованным фрагментам,

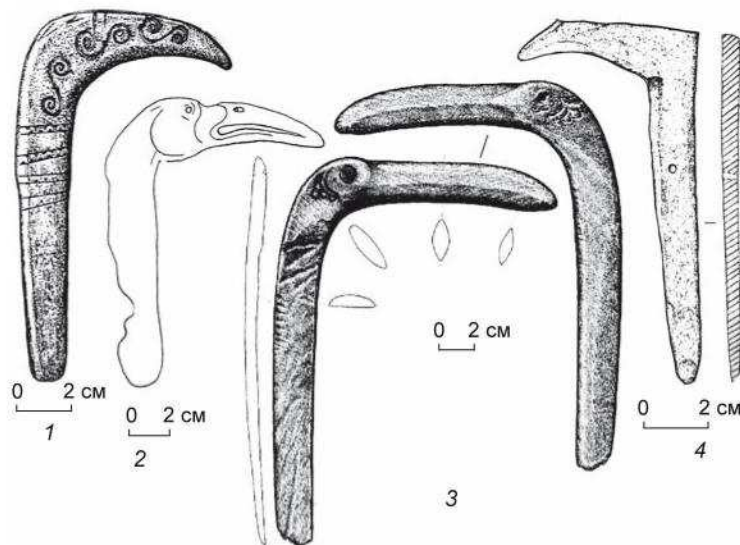

Рис. 6. Костяные наконечники из лесостепного Обь-Иртышья: 1 – Чумыш (по: [Кунгуров, Горбунов, 2001]); 2 – Сопка II (по: [Молодин, 1985]); 3 – Преображенка-6 (по: [Молодин, Чемякина, Позднякова, 2007]); 4 – Калиновка-2 (по: [Кирюшин и др., 2005]).

Рис. 7. Костяное наконечник посоха с р. Чумыш (фото А.А. Тишкина).

она тоже сходна с одиновской [Кирюшин и др., 2005, рис. 1, 6, 7]. Таким образом, можно предположить, что изделия первых двух типов хронологически более ранние. Предмет с Чумыша найден вне комплекса, поэтому его связь с елунинской культурой требует дополнительного обоснования. По причине стилизованности и орнаментальной насыщенности это изделие можно отнести к более позднему времени.

Г-образные наконечники широко представлены в археологических материалах Евразии начиная с эпохи

мезолита. В них воплощались образы различных животных. С.В. Студзицкая считает «жезлы-посохи» с такими навершиями тотемными атрибутами родоплеменной власти. Их обладателями были мужчины с высоким общественным статусом, в функции которых входило совершение определенных религиозных ритуалов [Студзицкая, 2004, с. 252]. Использование посохов с такими навершиями подтверждают и многочисленные параллели в петроглифах Северной Евразии бронзового века [Смирнов, 2004].

Одним из оригинальных костяных предметов мелкой пластики можно назвать «антропоморфную скульптуру» из могильника Кораблик I [Грушин, Кокшенев, 2004]. Длина изделия 20 см, максимальная ширина 5 см. Это силуэт человека с оформленными головой, плечами, коленями (?). Руки и ноги не прорисованы. Изображение одностороннее, резное. Показаны округлые глаза (небольшие углубления), брови, продолжение линий которых образует нос; скулы, волосы в виде рельефных лучей (см. рис. 3, 1). Отдельные элементы изображения имеют широкие культурно-хронологические параллели в памятниках

Евразии, однако их сочетание нигде не наблюдается, поэтому предмет из могильника Кораблик I можно считать на данный момент уникальным. Наиболее близкими памятниками являются, на наш взгляд, окуневские Минусинской котловины и каракольские Горного Алтая.

По мнению Э.Б. Вадецкой, окуневские костяные пластины и стеатитовые фигурки могли быть частями каких-то меховых, кожаных или тряпичных куколок. На основании данных по этнографии коренных народов Сибири исследовательница предположила, что они являлись изображениями божеств, покровителей плодородия; вместилищами душ, ожидавших своего возрождения в новорожденном. При этом Э.Б. Вадецкая не исключает их использования в качестве игрушек [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 71]. М.Л. Подольский, обративший внимание на «вертикализм» образов, считает такие фигурки изображениями божеств или обожествленных предков – посредников в общении с небесными силами [1997, с. 187]. По мнению С.В. Студзицкой, подобные предметы из глазковских погребений служили подвесками на шаманских костюмах и осмысливались древними людьми как духи-помощники шаманов [1981, с. 41; 2002, с. 143]. Аналогично трактуются и галичские идолы [Студзицкая, Кузьминых, 2001, рис. 5, с. 146].

Изображения, выполненные в металле

Среди бронзовых ножей с навершием в виде скульптурного или уплощенного изображения можно выделить две группы. К первой относятся нож из могильника Елунино I (рис. 8, 4; 9, 4) и случайная находка из окрестностей с. Усть-Мута в Горном Алтае (см. рис. 8, 7). На навершиях их рукоятей изображена голова «солнечного коня», покоящаяся на четырех или пяти лучах [Киришин, 1987; Киреев, Кудрявцев, 1988]. Вторую группу составляют изделия с цельными реалистичными антропо- и зооморфными фигурами. На известном ноже из могильника Ростовка (см. рис. 8, 6, 8) изображен лыжник, который с помощью поводьев управляет лошастью [Мапощенко, 1970]. На навершии ножа из с. Джумба в Восточном Казахстане (см. рис. 8, 5) представлена сцена противостояния двух животных [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 67, 3]. Как отмечал И.В. Ковтун, выделенные группы изделий различаются и по технологическим особенностям. Ножи из могильника Елунино I и с. Усть-Мута отлиты в двухсторонней литейной форме вместе с навершием. Вторая, собственно «сейминско-турбинская», группа характеризуется отдельной отливкой ножа и скульптурного изображения с последующей их припайкой [Ковтун, 2006, с. 66].

Изобразительные традиции, нашедшие отражение в навершиях второй группы, проявились и на кинжа-

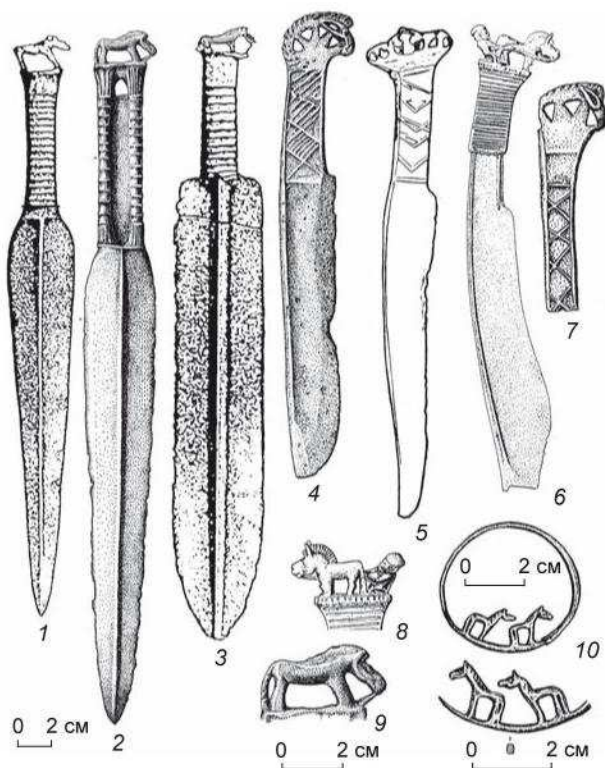

Рис. 8. Изображения на металлических ножах, кинжалах и украшениях из лесостепного Обь-Иртышья.

1 – Курчум (по: [Самашев, Жумабекова, 1993]); 2, 9 – Чарыш (по: [Киришин, Шульга, Грушин, 2006]); 3 – Шемонаиха (по: [Самашев, Жумабекова, 1993]); 4 – Елунино I (по: [Киришин, 1987]); 5 – Джумба (по: [Черных, Кузьминых, 1989]); 6, 8 – Ростовка (по: [Мапощенко, 1970]); 7 – Усть-Мута (по: [Киреев, Кудрявцев, 1988]); 10 – Чесноково I (по: [Киришин, Шульга, Грушин, 2006]).

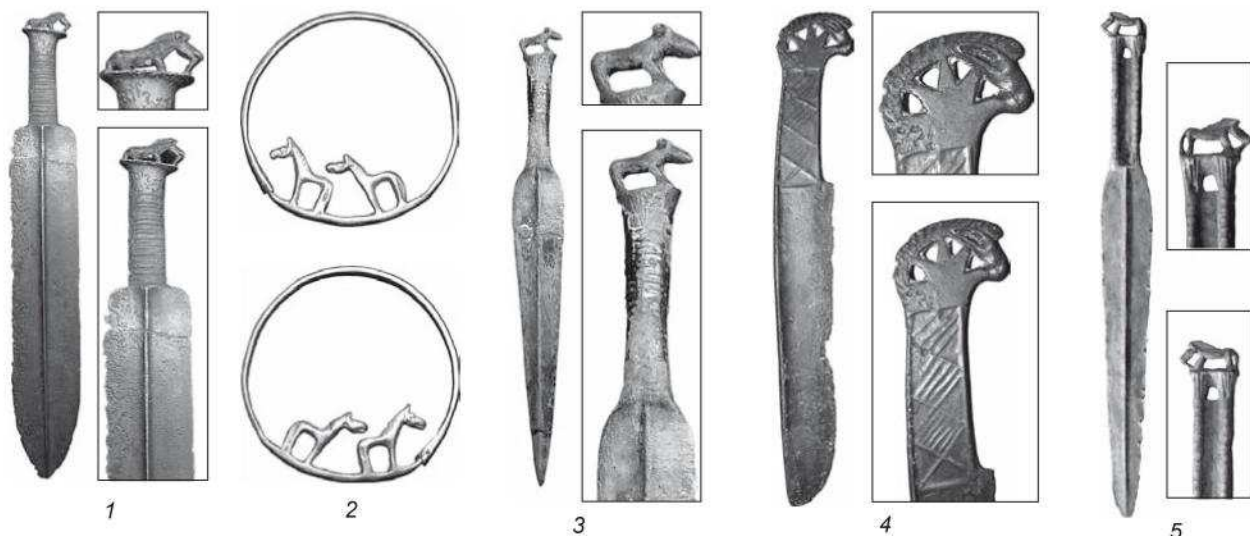

Рис. 9. Зооморфные изображения на предметах эпохи бронзы из Обь-Иртышья (фото С.П. Грушина).
1 – Шемонаиха; 2 – Чесноково I; 3 – Курчум; 4 – Елунино I; 5 – Чарыш.

лах, о чем свидетельствует случайная находка с р. Чарыш [Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006, рис. 1, 2]. Навершие рукояти (см. рис. 8, 2; 9, 5) оформлено в виде объемной скульптуры лошади, выполненной в реалистической манере. На массивной голове животного показаны уши, глаза, ноздри, пасть и скулы. Похожие кинжалы происходят из Восточного Казахстана – с. Курчум (см. рис. 8, 1; 9, 3) и с. Шемонаиха (см. рис. 8, 3; 9, 1). Все три изделия имеют сходство с оружием из т.н. II Каракольского клада [Винник, Кузьмина, 1981]. Несмотря на своеобразие, художественное оформление скульптур на этих предметах позволяет связать его с сейминско-турбинскими изобразительными традициями. Следует отметить, что недалеко от местонахождения кинжала с р. Чарыш в захоронении андроновской культуры Чесноково I обнаружена золотая серьга с фигурками двух лошадей (рис. 8, 10; 9, 2). В настоящий момент определенной проблемой является культурно-хронологическое соотношение кинжалов каракольского типа, к которому нами отнесено изделие, найденное на р. Чарыш, с андроновскими и сейминско-турбинскими комплексами. Нет сомнений, что изобразительная манера исполнения скульптуры на этих кинжалах связана с сейминско-турбинской традицией, однако оформление клинка, детали рукояти, а также археологический контекст обнаружения некоторых предметов позволяют соотнести их с позднебронзовыми комплексами азиатских степей и датировать второй половиной II – началом I тыс. до н.э. [Там же, с. 50; Молодин, 1993, с. 14; Ковтун, 2004, с. 278–279]. Фигурки лошадей на андроновской серьге из захоронения Чесноково I и на аналогичном изделии из Мыншункура [Акишев, 1984, табл. VII, 16] значительно отличаются от скульптуры на кинжале с Чарыша и в целом от сей-

минско-турбинских подобных изображений по манере исполнения. У них относительно маленькая голова, отсутствует характерная выгнутая грива. Вероятно, такие особенности фигурок на андроновских серьгах можно считать результатом поздней трансформации сейминско-турбинской традиции.

Особенности представления образов

Анализ предметов мобильного искусства с памятников эпохи бронзы лесостепного Обь-Иртышья позволяет отметить следующие особенности. Среди рассмотренных изображений преобладают профильные, именно такой ракурс обеспечивал узнаваемость образов. Они характерны для различных предметов, сделанных из разных материалов (кость, рог, камень, металл). Это каменные песты с навершиями в виде голов животных, фигурка птицы из яшмы, бронзовые ножи с антропо- и зооморфными изображениями, костяные Г-образные навершия посохов. Вторая группа – анфасные антропоморфные изображения на бронзовом навершии из музея г. Зайсана и на костяной пластине из могильника Кораблик I. Третья группа – предметы мобильного искусства, на которых образы представлены как в профиль, так и анфас. К таковым относятся каменные песты, металлические ножи и кинжалы с навершиями в виде антропо- и зооморфных скульптур. Преобладание профильных изображений вне зависимости от типа изделий отражает, на наш взгляд, определенную изобразительную традицию, распространенную в лесостепном Обь-Иртышье раннего и среднего бронзового века. Проблемы ее генезиса, семантики требуют дальнейшего исследования.

Заключение

Изучение предметов мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья демонстрирует высокий художественный уровень их исполнения. Это относится прежде всего к зооморфным навершиям каменных пестов и бронзовых кинжалов. Преобладают профильные изображения, выполненные на предметах различных категорий. Основными образами являются животные и птицы, среди которых преобладает лошадь. Этот образ запечатлен в камне и металле, как минимум, в 12 случаях, что позволяет судить о значимой роли, которую играла лошадь в хозяйственной и религиозной жизни общества в данную эпоху. Одним из авторов статьи уже высказывалась идея о формировании «культы коня» в степном и лесостепном Обь-Иртышье [Кирюшин, 1987]. Важно отметить, что находки с изображениями домашних животных (лошадь, бык, баран) тяготеют к степным ландшафтам, диких (медведь, птицы) – к лесостепным и лесным зонам. Это демонстрирует хозяйственную направленность населения в различных природно-экологических условиях и ее непосредственную связь с религиозной практикой. Большинство изображений головы человека, а также человека с лошадью (нож из Ростовки), группы животных (нож из Джумбы) тяготеет к Прииртышью. Вероятно, именно там зародилась и получила распространение эта традиция.

Список литературы

- Акишев А.К.** Искусство и мифология саков. – Алмата: Наука КазССР, 1984. – 176 с.
- Алехин Ю.П.** Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России (очерки истории Змеиногорска). – Барнаул: Изд-во Управления архивного дела администрации Алтайского края, 1999. – С. 17–65.
- Бобров В.В., Ковтун И.В.** Иконографические особенности комплекса сейминско-турбинских бронз // Первобытная археология: Человек и искусство. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 156–162.
- Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А.** Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – 148 с.
- Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е.** Второй Каракольский клад Киргизии // Археология Сибири, Средней Азии и Кавказа. – М.: Наука, 1981. – С. 48–53.
- Грушин С.П.** Основные элементы погребального обряда населения Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы // Проблемы изучения древней и средневековой истории. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 50–55.
- Грушин С.П., Кокшнев В.В.** Захоронение с антропоморфной скульптурой в Среднем Причумышье // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 35–48.
- Гундогдыев О.А.** Орел и змея в символике туркмен // У истоков цивилизации. – М.: Старый Сад, 2004. – С. 225–226.
- Дергачев В.А.** О скипетрах, о лошадях, о войне: Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 488 с.
- Емельянов А.В., Кашина Е.А.** Костяные изображения птиц финала каменного века Центральной России // Изобразительные памятники: Стиль, эпоха, композиция. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 94–97.
- Есин Ю.Н., Ожередов Ю.И.** Проблемы изучения Г-образных предметов с Урала, из Западной и Южной Сибири, Казахстана и Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2 (34). – С. 100–111.
- Иванов С.В.** Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. – Новосибирск: Наука, 1979. – 196 с.
- Киреев С.М., Кудрявцев П.И.** Новые находки эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988. – С. 164–166.
- Кирюшин Ю.Ф.** Новые могильники ранней бронзы на верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1987. – С. 100–125.
- Кирюшин Ю.Ф.** Каменная скульптура эпохи бронзы с Алтая // Изв. СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. – Новосибирск: Наука, 1991. – Вып. 2. – С. 66–70.
- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П.** Предметы мобильного искусства раннего бронзового века Верхнего Приобья // Скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – С. 22–25.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов И.Г.** Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново V на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 43–52.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Паппин Д.В., Федорук А.С.** Исследование в Восточной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11, ч. 1. – С. 329–332.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А.** Искусство населения лесостепного Алтая в эпоху ранней бронзы // Гуманитарные науки в Сибири. – 2002. – № 3. – С. 16–20.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.** Бронзовый век Васюганья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – 183 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А.** Березовая Лука – поселение бронзового века в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – Т. 1. – 288 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П.** Два бронзовых предмета из Змеиногорского музея // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – С. 45–53.
- Ковтун И.В.** Изображение младенца с кинжалом (постсейминский тип кинжалов в контактной зоне Евразийской и Центральноазиатской металлургических провинций) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. –